

Жарников Геннадий Сергеевич

О СВЯТОЧНОМ АСПЕКТЕ ВРЕМЕНИ В "КОНАРМИИ" ИСААКА БАБЕЛЯ

Статья посвящена исследованию святочной структуры времени в "Конармии" Исаака Бабея. Выявляются "переходность" и замкнутость образа времени в цикле. Структурной моделью, определяющей хронотоп конармейских новелл, представляются святки. Поход конармейцев рассматривается как организованное шествие ряженных, перемежающееся "балаганными номерами". Подобная праздничная модель времени может быть применима и к другим произведениям о гражданской войне, а также частично объясняет общекультурную ситуацию 1917-1922 гг.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/4-2/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(70): в 2-х ч. Ч. 2. С. 12-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

Статья посвящена исследованию святочной структуры времени в «Конармии» Исаака Бабеля. Выявляются «переходность» и замкнутость образа времени в цикле. Структурной моделью, определяющей хронотоп конармейских новелл, представляются святки. Поход конармейцев рассматривается как организованное шествие ряженых, перемежающееся «балаганными номерами». Подобная праздничная модель времени может быть применима и к другим произведениям о гражданской войне, а также частично объясняет общекультурную ситуацию 1917-1922 гг.

Ключевые слова и фразы: «Конармия»; И. Э. Бабель; время; Гражданская война; святки; балаган; ряженые.

Жарников Геннадий Сергеевич

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева
Zharnikov.gs@gmail.com*

О СВЯТОЧНОМ АСПЕКТЕ ВРЕМЕНИ В «КОНАРМИИ» ИСААКА БАБЕЛЯ

Самое древнее и главное разделение времени в человеческой культуре – это деление на состояние порядка (будничная жизнь) и на условное состояние хаоса (праздник). Однако «хаос» в культуре – это также организация определенного космоса, хотя и отличного от обыденного. Наступление праздника в древности не только предполагает упразднение привычных норм, но и устанавливает специфичный тип поведения.

Время «Конармии» Исаака Бабеля [1] – это особое время, которое задается уже самой ситуацией Гражданской войны, являющейся своеобразным «переходом» от старого, рухнувшего порядка Российской империи к новой форме существования в рамках советского государства. Название первой новеллы конармейского цикла – «Переход через Збруч» [Там же, с. 25] – отражает именно это неустойчивое состояние. И примечательно то, что в рамках произведения нет становления нового мира как твердого порядка, как начавшегося времени социального бытия. Здесь все находится в движении, все меняется друг с другом местами, «нет ни в чем оседания и устойчивости» [10, с. 124]. Это мифологическое состояние хаоса, которое всегда приходит на смену «изношенному» космосу. И взгляд Исаака Бабеля сосредоточен только на данном состоянии мира. Учитывая это, а также важность категории времени в художественном произведении – по мысли Бахтина, «в литературе ведущим началом в хронотопе является время», – целью данной статьи станет исследование особенностей темпоральной структуры «Конармии», для чего предстоит сопоставить её с концепцией мифологического «хаоса» (святки), а также найти соответствия представленному в цикле времени в схожих исторических эпохах [2, с. 342].

В самом начале цикла фиксируется космическая и историческая смерть старого мира: «Оранжевое солнце катится по небу как отрубленная голова» [1, с. 25]. В следующих новеллах символ станет более очевидным – проявится настойчивый мотив усекновения главы Иоанна Крестителя, таким образом И. Бабель говорит о конце христианской эпохи, доказавшей свою несостоятельность. После «крушения» солнца начинается сам переход – бойцы идут вброд через реку Збруч. Этот эпизод часто толкуется как вхождение в особый мир войны и убийства. И. А. Есаулов характеризует преодоление водной преграды даже как своеобразное «антикрещение», отмечая и произнесенное во время перехода богохульство [7, с. 36]. Однако не менее важным здесь оказывается временной аспект. Светило отжившего «космоса» покидает небосвод, на его место встает иной порядок: «Величавая луна лежит на волнах» [1, с. 25]. Переход через реку происходит уже в лунном свете, в ином времени; по сути, изменяется структура мира. Она оказывается перевернутой – солнце и луна поменялись местами. Важно подчеркнуть – луна полная, то есть происходит как бы «равноценное» замещение одного светила на другое. Мир «Конармии» – мир ночной, лунный, именно этот свет пронизывает здесь все мироздание, в котором действуют свои специфические правила. Таким образом, с самого начала цикла четко задается момент вхождения в своеобразный антимир с перевернутой структурой. Задается особое «ночное» состояние мира, которое в следующих новеллах будет разрабатываться разными способами, иногда также на уровне времени (речь идет о рассказах «Костел в Новограде» и «Солнце Италии» [Там же, с. 29, 48], действие которых происходит ночью, вторая и шестая позиция в цикле соответственно).

На специфичность времени в «Конармии» настойчиво указывают начало и конец книги. Начинаясь с установления над художественным миром особого «солнца», произведение заканчивается крушением «светила». Так, в последней новелле цикла (в редакциях до 1931 года – это «Сын рабби» [Там же, с. 165]) запечатлен распад конармейского праздничного мира. Описываются развал и бегство армии, смерть конармейца

Брацлавского – все это происходит в лучах заходящего солнца: «печальный дождь заката обмыл пыль моих волос» [Там же, с. 166]. Таким образом, вставшее над «Конармией» в самом начале особое светило в конце умирает. Это рождение и гибель переходного праздничного мира. Время в цикле – один долгий «день». Сам в себе замкнутый мир, который был рожден на этих страницах и который исчерпал себя в последней новелле.

Впрочем, есть и другой, более поздний вариант редакции. В 1933 году выходит «Конармия» с заключительной новеллой «Аргатак», повествующей об окончательном «растворении» Лютова в среде революционных казаков: «Прошли месяцы. Сон мой исполнился. Казаки перестали провожать глазами меня и мою лошадь» [Там же, с. 173]. Однако, по словам вдовы писателя, последнее издание, готовившееся к печати, И. Бабель хотел завершить уже новеллой «Поцелуй», которая заканчивается рассветом (снова встает конармейское солнце) и переходом границы Царства Польского. Цикл, таким образом, оказывается закольцован: вновь подчеркивается принципиальная отграниченность его событий от мира строительства, от времени становления нового государства. Мир «Конармии» замкнут в себе и на себе. Чтобы выйти из этой вселенной, необходимо стать другим, совершить еще один переход, но этого перехода как раз и не происходит.

Можно с уверенностью говорить, что исторического образа времени в «Конармии» нет. Она – целиком вневременной провал. Время в цикле еще не начинает свой отсчет. Как день свадьбы, который не является днем замужней жизни. Свадьба – праздник, но не жизнь, она чужда установившегося. Это нечто иное, день между двумя жизнями. Следовательно, в «Конармии» время застыло, оно, в сущности, статично. Метафора свадьбы вовсе неслучайна, в сборнике подобные мотивы звучат явственно: «Свадебный кортеж, подъезжая к волостному исполкому, открывает сосредоточенный огонь, и чахлый попик <...> требует от властей выдачи буржуев, выдачи пролетариев, вина и музыки» [Там же, с. 65]. В новелле «Измена»: «...являются рядовые работники центра, которые желают венчаться в уревкоме в самой скорости и без волокиты» [Там же, с. 150-151]. Кроме того, встречаются и общие указания на праздничную атмосферу. Так, например, есаул из новеллы «Путь в Броды» отправляется в свой поход на небо именно в праздник усечения главы Иоанна Крестителя, а Матвей Павличенко из «Жизнеописания Павличенки» вспоминает о восемнадцатом годе как о празднике своей души. «Конармия» – это праздник, переход в какое-то иное состояние.

Именно праздничный маркер, установление «темного» времени над всей «Конармией», настойчивая попытка И. Бабеля запечатлеть и понять невиданный перелом, происходящий на его глазах (о чем свидетельствует личный дневник писателя), перелом, включающий в себя крушение старого и установление некоего промежуточного переходного этапа, – заставляет обратиться в поисках аналогий к славянской праздничной концепции.

Смерть старого и рождение нового года на Руси традиционно сопровождалась святками. «Святочный цикл воспринимался как пограничный между старым и новым солнечным годом, как “плохое время”, своего рода безвременье. Старый год уходил, а новый только начинался, будущее казалось темным и непонятым» [13, с. 30]. Верили, что в эти дни на земле появляются души умерших, а нечисть получает особую силу, потому что граница между этим и потусторонним мирами на святочных неделях размывалась. В течение столетий выработались праздничные формы, призванные преодолеть страх этого непонятого времени. У народной культуры не было выработано иных средств для перехода между старым и новым. Поэтому, если учесть то действительное и неотменимое крушение старого мира в 1917 году, то ежегодная святочная ситуация может в известной степени характеризовать и революционный перелом в России. Это то же преодоление, тот же переход от старого, изношенного к новому и неизведанному. К тому же, святки характеризовались как темные, нечистые дни в противовес обычным, «чистым» будням. Поэтому святочная ситуация может считаться одним из составных элементов нечистого хаотического времени конармейского перехода.

Интересно, что почти к этим же мыслям приходит Б. М. Гаспаров в статье «Тема святочного карнавала в поэме А. Блока “Двенадцать”». Шествие красногвардейцев происходит как раз 3-5 января, то есть в четко определенное именно святочное время. Помимо чисто фактической привязки присутствует и временной символический план: красногвардейцы – это апостолы, идущие к новому миру, покинувшие все старое: «Пальнем-ка пулей в Святую Русь – / В кондовую, / В избяную, / В толстозадую» [4]. Они, так же как и бабелевские казаки, находятся в состоянии «перехода». И то, что события «Конармии» охватывают летнюю и осеннюю части польского похода, не влияет на план вселенской ситуации перехода, безвременья, которая неизменно должна была получить святочные смыслы.

Интересна и повторяющаяся рефреном фраза красногвардейцев у Блока, характеризующая как раз святочную ситуацию: «Свобода, свобода, / Эх, эх, без креста» [Там же]. В статье «Новые аспекты изучения культуры Древней Руси» Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский утверждают, что святки, «страшные вечера», «подразумевают игру с нечистой силой и в целом ряде случаев сопровождаются демонстративным отказом от христианства (гадающие обычно снимают крест) и прямым призыванием чертей» [8, с. 692]. В этой связи интересно рассмотреть поведение конармейских казаков. Несомненно, что наложение христианских и языческих традиций позволяет искать в их поведенческих схемах корни обеих культур, однако с христианством здесь все обстоит сложнее. В некоторых исследованиях творчества И. Бабеля отмечается, что Лютов «олицетворяет еврейскую попытку гуманизировать христианство» [5, с. 191]. При этом подчеркивается вмешательство протагониста в зверства красноармейцев и попытка не допустить окончательного поругания как человека, так и сакрального места (новеллы «Иваны» и «У святого Валента» [1, с. 117, 128]). Однако как раз христианства в «Конармии» мало. Оно присутствует скорее лишь на вербальном уровне, как декоративная координата мышления: «Я принимал от них страдания, как Спаситель Иисус Христос», – рассказывает красноармеец Василий Курдюков о том, как истязал его собственный отец. А ниже он говорит: «Таперича

какой сосед вас начнет заижать – то Семен Тимофеич может его вполне зарезать» [Там же, с. 34]. Далеко от христианской морали и Афонька Бида, клянущийся отомстить за убитого поляками коня: «Ну, не покоюсь же судьбе-шкуре <...> ну, беспощадно же буду рубать несказанную шляхту! До сердечного вздоха дойду, до вздоха ейного и богоматериной крови...» [Там же, с. 111-112]. Причем здесь виден не только прямой отказ от христианских ценностей, но и богохульственное попираание святыни.

Таким образом, «Конармия» – это время «снятия креста», сознательного отказа от христианских норм и откровенное языческое, бесовское поведение. Поэтому так издевательски звучат слова казаков в конце цикла, сказанные красноармейцу Тихомолову, с которым Лютов пытается помириться: «Похристосуйся с ним, Пашка <...> ему желательно с тобой христосоваться» [Там же, с. 172]. И взводный наглядно иллюстрирует атмосферу казачьего общества: «Еще Пасхи нет, чтобы мириться» [Там же].

Казаки у И. Бабеля отданы во власть стихийных темных сил, и «корни» их поведения следует искать в том числе и в святочных ритуалах, которые часто использовались в русской истории в политических целях. Например, первым «маскарадом», устроенным Петром I, принято считать указ 1700 г. «О переодевании высших сословий в европейское платье: носить мужескому полу верхнее саксонское и французское, а камзолы и нижнее платье немецкое, и женскому полу – немецкое» [14, с. 140]. Приказ был издан как раз в период святок, в гибкое, «игровое» время, что облегчало отступление от традиционных норм. М. М. Бахтин также отмечал, что «новое внедрялось в жизнь первоначально в “потешном” наряде; в ходе реформ ряд моментов их переплетался с элементами почти шутовского травестирования и развенчания (стрижка бород, европейское платье, политес)» [3, с. 291]. Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский указывают, что поведение и другого правителя Руси (также «переходного») Ивана Грозного вольно и невольно подчинялось модели святочного антиповедения. Он не только заставлял опричников плясать в личинах, по примеру святочных ряженых, но и сам порядок опричнины, а именно – чернеческое платье опричников, именование царя игуменом перевернутого монастыря – устроил по примеру народных святочных игрищ, о которых сохранились свидетельства: «...игрища разные и мерзкие бывают вначале от Рождества Христова и до Богоявления всенощные, на коих святых нарицают, и монастыри делают, и архимарита, и келаря, и старцов нарицают» [8, с. 700]. Интересно, что Б. А. Успенский уже в другой своей работе видит истоки Всецельнейшего Собора Петра также в традиции святочного антиповедения [11, с. 181].

В связи с этим весьма любопытна реплика одного из героев «Конармии» Дьякова в новелле «Начальник конзасапа». Подъехав к толпе крестьян, он кричит: «Честным стервам игуменье благословенье!» [1, с. 37]. При этом ни о каком игумене, равно как и о монастыре, ни до, ни после не сообщается. Есть только фамилия героя, явно отсылающая к антимирю, в котором он, видимо, имеет чин «дьякона», и конструируется особая стратегия поведения.

Новелла начинается с того, что крестьяне приводят к зданию штаба ослабевшую, умирающую лошадь с жалобой на красноармейцев, отдавших её им взамен здорового крестьянского коня: «Хозяйствуй на ей», – говорят они. На что Дьяков отвечает: «...ежели конь упал и подымается, то это – конь; ежели он <...> не подымается, тогда это не конь» [Там же, с. 38]. Дьяков перед изумленными крестьянами ставит себе абсурдную задачу «поднять» коня, так он якобы докажет жизнеспособность лошади. Жалобщики относятся к этому скептически: «Где ей, сироте, подняться... Она, сирота, подохнет...» [Там же]. Перед читателем возникает нелепый, невозможный и смешной мир, живущий в словах Дьякова, но удивительно, что ему действительно удается заставить лошадь подняться. Таким образом, гротескный, смеховой антимир вступает в свои права, устанавливает как бы свои собственные законы над всем живущим в цикле. Дьяков в мире с перевернутыми правилами доказал жизнеспособность лошади перед изумленными крестьянами.

В «Конармии» мотивы антимонастыря больше не возникают, но любопытно, что в другой, уже простой и незатейливой прозе о Гражданской войне (роман Д. Фурманова «Чапаев») подобные образы проскальзывают: отряд красноармейцев на отдыхе поет смеховой акафист (!), прославляющий наступающее будущее и проклинающий прошлое, которое не хочет умирать: «Во блаженном успении вечный покой подаждь, господи, сибирскому верховному правителю, всех трудящихся мучителю, его высокопревосходительству белому адмиралу Колчаку со всей его богохранимой паствою митрополитами-иезуитами, архиепископами и епископами, бандитами <...> и прихвостнями-прихлебаками господами чехословаками... ве-е-еч-ная па-а-а-мять!..» [12].

Еще одна важная примета святочного действия, на которую указывает в своей статье Б. М. Гаспаров, – организация «по принципу *шестивия ряженых*. Ряженые <...> выступают, как обычно, с различными музыкально-драматическими номерами, не забывая, однако, о главной своей миссии – осуществлять сакрально-карнавальное шествие» [6, с. 13]. С этой точки зрения стоит обратить внимание на «Конармию». Цикл начинается с выступления обоза: «...и наш обоз шумливым арьергардом растянулся по шоссе <...> построеному на мужичьих костях Николаем Первым» [1, с. 25]. Дальше движение осуществляется в полях «пурпурного мака» (метафора будущей крови), и несомненно важное символическое место занимает «девственная гречиха» на горизонте. «Тихая Вольнь изгибается, Вольнь уходит от нас в жемчужный туман березовых рощ, она вползает в цветистые пригорки и ослабевшими руками путается в зарослях хмеля» [Там же]. Характерно, что здесь наблюдается четкое распределение гендерных ролей в тексте. «Арьергард» – звучное, тяжелое, заимствованное слово, состоящее из твердых согласных, дополняется эпитетом «шумливый», который не оставляет сомнения в мужской «принадлежности» словосочетания (Маяковский: «Ночью хочется звон свой / спрятать в мягкое, / в женское» [9]). Традиционная мужская роль – это бравада, гром, шум. Женской роли в традиции больше подходят робость, мягкость, чистота. Поэтому Вольнь тихая и ослабевшая, а рядом с ней нечто светлое, невесомое: «жемчужный туман березовых рощ» [1, с. 25]. Появляется и дополнительное

значение святости, чистоты и непорочности пространства Волыни: «девственная гречиха встает на горизонте как стена дальнего монастыря» [Там же]. Стоит отметить и противопоставление двух сторон на уровне грамматики: «обоз» и «арьергард» – слова мужского рода, «Вольнь» – женского. В мягкое, аморфное, уже покоряющееся пространство входит целенаправленное движение-шествие, несущее в себе мощный маскулинный энергетический заряд.

Интересно, что заканчивается «Конармия» именно на прекращении целенаправленного шествия – армия разваливается: «Войска наши дрогнули и перемешались <...> И чудовищная Россия, неправдоподобная, как стадо платяных вшей, затопала лаптями по обе стороны вагонов» [Там же, с. 165]. С прекращением шествия умирает и весь мир, заходит конармейское солнце. Но весь путь шествия – это путь сакрально-карнавального движения, на что указывает прежде всего сакральный статус красноармейцев. В книге много прямых упоминаний о «святости» действующих лиц: «Обведенный нимбом заката, к нам скакал Афонька Бида» [Там же, с. 70]; «Лёвка <...> протягивает руки к небу, окружая себя ночью, как нимбом» [Там же, с. 138]. Также не стоит забывать, что среди казаков шествует и Сашка, прозванный Христом «за кротость». Этот особый «народный» святитель в последний раз появляется в 33-й новелле, почти в самом конце цикла, он как бы «шествует» впереди смехового воинства.

А по ходу этого движения перед читателем возникают как «драматические номера», так и сказовые новеллы героев и рассказчиков, которых можно с уверенностью назвать ряжеными. В конечном счете, и реальный польский поход 1-й Конной – это то же «праздничное» хождение от дома к дому с требованием «угощений» (о чем можно судить по сохранившемуся личному дневнику писателя).

Таким образом, время «Конармии» во многом представляется святочным временем перехода с организованным внутри его праздничным «карнавальным» шествием. Сама же данная модель времени может быть применима и к другим произведениям о гражданской войне, а также частично объясняет общекультурную ситуацию 1917-1922 гг.

Список источников

1. **Бабель И. Э.** Рассказы / сост., подготовка текстов, послесловие, коммент. Е. И. Погорельской. СПб.: Вита Нова, 2014. 656 с.
2. **Бахтин М. М.** Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 3. 880 с.
3. **Бахтин М. М.** Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 4. Ч. 2. 752 с.
4. **Блок А. А.** Двенадцать [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ilibrary.ru/text/1232/p.1/index.html> (дата обращения: 26.02.2017).
5. **Вайскопф М.** Советское Рождество: иудаизм и христианство в поэтике Исаака Бабеля // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век: сборник материалов Международной научной конференции в Государственном литературном музее (23-26 июня 2014 г.). М.: Книжники; Литературный музей, 2016. С. 169-203.
6. **Гаспаров Б. М.** Тема святочного карнавала в поэме А. Блока «Двенадцать» // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. М.: Наука, 1994. С. 4-27.
7. **Есаулов И. А.** Культурные подтексты поэтики Исаака Бабеля. София: Св. Климент Охридски, 2011. 71 с.
8. **Лотман Ю. М., Успенский Б. А.** Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 685-701.
9. **Маяковский В. В.** Облако в штанах [Электронный ресурс]. URL: <http://ilibrary.ru/text/1241/p.1/index.html> (дата обращения: 25.02.2017).
10. **Скобелев В. П.** Масса и личность в русской советской прозе 20-х годов (к проблеме народного характера). Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1975. 333 с.
11. **Успенский Б. А.** Избранные труды: в 3-х т. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. 1. 608 с.
12. **Фурманов Д. А.** Чапаев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/RUSSLIT/FURMANOW/chapaew.txt> (дата обращения: 28.02.2017).
13. **Шангина И. И.** Русский народ. Будни и праздники: энциклопедия. СПб.: Азбука-классика, 2003. 560 с.
14. **Юрков С. Е.** Эстетика мета-нормативного поведения в русской культуре XI – начала XX века: дисс. ... д. филос. н. СПб., 2004. 315 с.

ON THE CHRISTMAS ASPECT OF TIME IN ISAAC BABEL'S "RED CAVALRY"

Zharnikov Gennadii Sergeevich
Samara University
Zharnikov.gs@gmail.com

The article is devoted to the study of the Christmas time structure in Isaac Babel's "Red Cavalry". The "transitivity" and the closure of the time image in the cycle are revealed. The structural model, which determines the chronotope of the Red Cavalry novels, is Christmastide. The campaign of the Red Cavalry is regarded as an organized procession of mummers, interspersed with "farce events". Such a festive time model can be applied to other works about the Civil War, and also partially explains the general cultural situation in 1917-1922.

Key words and phrases: "Red Cavalry"; I. E. Babel; time; Civil War; Christmastide; farce; mummers.